

Брат Мин Чунь, я так боюсь

Те Хэнцю потёр нос: «Брат Мин Чунь прав, я виноват».

Мин Чунь, видя, как Те Хэнцю с инстинктивной лёгкостью притворяется послушным, разозлился ещё больше. «Он и с другими так же себя ведёт. Поэтому Хэ Чуми и Вань Лайцзин так и вьются вокруг него, каждый день расспрашивая о делах на Пике Ста Чжанов. Впрочем, хоть Те Хэнцю и негодник, но Хэ Чуми и Вань Лайцзин ещё хуже — совсем потеряли чувство меры, не понимая, что на Пике Ста Чжанов даже травинка — не для чужих глаз».

Те Хэнцю, заметив недоброе выражение на лице Мин Чуня, решил, что тому нездоровится, и спросил: «Брат Мин Чунь, ты плохо себя чувствуешь?»

«Под гнётом этого дерева никому не будет хорошо», — холодно ответил Мин Чунь и, вспомнив, как ловко Те Хэнцю бросился к нему, добавил с задумчивостью: «А ты, кажется, довольно проворен».

«Правда?» — удивился Те Хэнцю.

Поразмыслив, он понял: в его тело была вживлена духовная кость меча дерева Аньяня, родственная силе божественного дерева, поэтому его она не подавляла.

Те Хэнцю попробовал направить свою силу и обнаружил, что она течёт свободно, без всяких препятствий. Впрочем, толку от этого было мало. С его уровнем совершенствования, даже без подавления, он не мог ничего сделать.

Он спросил Мин Чуня: «Брат Мин Чунь, твою силу подавляет дерево?»

«Да», — серьёзно ответил тот, оглядываясь.

«Тогда... Юэ-цзунь, наверное, тоже...» — нахмурился Те Хэнцю.

«Мы должны как можно скорее найти его», — сказал Мин Чунь.

Те Хэнцю уловил слово «его» и, основываясь на своих знаниях о техниках Усадьбы божественного дерева, тут же предположил: Юэ Бочжи выпил сок дерева, и его духовная сила была подавлена.

Но, к счастью, у него остался Мин Чунь — воплощение, не тронутое соком.

Поэтому, хоть тело Юэ Бочжи и упало, его сознание могло временно переместиться в Мин Чуня.

Однако, если с телом Юэ Бочжи что-то случится...

«Да, нужно срочно найти Юэ-цзуня!» — вскочил Те Хэнцю.

Мин Чунь подошёл.

«А где... где Тан Сюэ?» — спросил Те Хэнцю.

Мин Чунь не ответил.

Тан Сюэ превратился в бумажную фигурку и лежал в сумке из семени горчицы Юэ Бочжи.

У Юэ Бочжи сейчас не было сил управлять двумя воплощениями одновременно.

Но об этом он, конечно, не собирался рассказывать Те Хэнцю.

Они начали карабкаться вверх по прожилкам листа. Едва добравшись до края, они вздохнули с облегчением, но тут подул ветер.

То, что раньше казалось лёгким ветерком, теперь было для них ураганом.

Рука Мин Чуня соскользнула, и он начал падать, но Те Хэнцю успел схватить его.

Без учёта уровня совершенствования, Те Хэнцю был физически сильнее бумажного человека.

Оказавшись в объятиях Те Хэнцю, Мин Чунь почувствовал себя неловко, его лицо стало ещё холоднее, но он всё же вежливо произнёс: «Спасибо».

Слыша это неискреннее, процеженное сквозь зубы «спасибо», Те Хэнцю едва сдержал смех.

Но он с усилием подавил улыбку: «Не стоит!»

Те Хэнцю обнял его крепче, вдыхая свежий холодный аромат.

Высокомерный, как бессмертный, Юэ-цзунь в своём воплощении теперь, словно хрупкий лотос, был в его руках. Сердце Те Хэнцю бешено заколотилось.

Хотя Мин Чунь был слаб физически, его магическая основа никуда не делась, и он тут же вырвался из объятий.

Те Хэнцю чуть не свалился с листа, но успел ухватиться за край.

Мин Чунь сглотнул и сказал: «На северо-запад».

«Слушаюсь», — Те Хэнцю подавил улыбку, почтительно кивнул и смиренно склонил голову.

Этот жест, похоже, немного смягчил Мин Чуня.

Лёд в его взгляде растаял, и голос стал на пару тонов теплее: «Держись рядом».

Сказав это, Мин Чунь встал на край листа, собираясь прыгнуть на другой.

Порыв ветра заставил лист сильно качнуться.

Мин Чунь, используя свою силу, устоял на ногах и, беспокоясь о Те Хэнцю, сказал: «Держись!» — и протянул руку, чтобы поддержать его, но его ладонь коснулась тёплой и крепкой руки.

«Спасибо, брат Мин Чунь», — улыбнулся Те Хэнцю.

Мин Чунь обернулся и увидел, что Те Хэнцю стоит так же твёрдо, как и он, словно его ноги вросли в лист.

Он тут же сообразил: «Точно, его сила не подавлена, а физически он очень силён. Сейчас он, наверное, даже сильнее меня».

Мысль о том, что ему, возможно, придётся полагаться на защиту Те Хэнцю, заставила Юэ Бочжи почувствовать себя крайне неловко.

Но сейчас было не время для гордости. Ветки дрожали всё сильнее, сила дерева нарастала, словно из-под земли собирался вырваться какой-то спящий монстр.

Мин Чунь инстинктивно сжал руку Те Хэнцю, и тепло его ладони немного успокоило его.

Но тут качающиеся ветви затряслись, и на них начали распускаться кроваво-красные цветы.

«Древо зацвело!» — удивился Те Хэнцю, его брови сошлись ещё плотнее. — «Оно что, съело кого-то?»

Ведь удобрением для древа служили плоть и кровь...

Не успел Те Хэнцю договорить, как всю крону окутал приторно-сладкий влажный запах.

Ветви затряслись ещё сильнее, и ближайший цветок внезапно взорвался.

Кроваво-красные, как пропитанный кровью шёлк, лепестки раскрылись, и из сердцевины, похожей на вихрь из золотых нитей, хлынул сладкий аромат, смешанный с запахом гниющей плоти. Те Хэнцю зажал нос.

Этот приторно-сладкий запах был слишком силён для людей, но для некоторых существ он был слаще мёда.

Те Хэнцю ещё не успел этого осознать, как услышал шорох, приближавшийся со всех сторон.

«Что это?» — нахмурился он и вместе с Мин Чунем посмотрел в ту сторону, откуда доносился звук.

Огненно-красные муравьи, в десять раз крупнее их, хлынули со стороны ствола, их конечности блестели, как глубинное чёрное железо.

Во главе колонны шёл муравей с высоко поднятыми жвалами, на его серповидных челюстях висели обрывки парчовой одежды, похожей на одеяние учеников Школы Десяти тысяч мечей.

У Те Хэнцю волосы встали дыбом: «Плохо! Бежим!»

«Отступить без боя?» — нахмурился Мин Чунь.

Те Хэнцю, глядя на чёрную массу муравьёв, чуть не сошёл с ума от нетерпения. «Боже, эти аристократы совсем с ума посходили, на пороге смерти рассуждают о достоинстве. Всё оттого, что слишком сытно едят!»

Видя, как муравьи приближаются, Те Хэнцю не стал спорить с Мин Чунем о том, что важнее — достоинство мечника или жизнь.

Он просто закинул его себе на плечо и прыгнул.

Те Хэнцю, отталкиваясь от листьев, мчался вперёд, а за его спиной кроваво-красная волна муравьёв неотступно неслась следом.

Он вдруг вспомнил, что Юэ-цзунь всегда был безупречно чист, его одежды белы, как снег, а

сейчас он, весь в траве и грязи, похож на серого зайца, которого гонит стая волков.

Те Хэнцю захотелось рассмеяться, но он боялся, что, если рассмеётся, то задохнётся, и муравьи догонят его и укусят за зад, поэтому он стиснул зубы и сдержался.

Мин Чунь потерял дар речи. Он не мог решить, что унизительнее: быть преследуемым стаей муравьёв или быть унесённым на спине младшего ученика.

Всё, что он мог сейчас сделать, — это втайне поклясться: «Я убью всех, кто видел меня в таком виде! Ну, кроме Те Хэнцю».

Те Хэнцю, неся Мин Чуня, метался между прожилками листьев, проносясь, как метеор.

Хоть он и уменьшился, но его сила осталась при нём, и он летел, как птица, оставляя муравьёв далеко позади.

Когда он уже почти оторвался от них, он перепрыгнул через пропасть между двумя листьями, и тут Мин Чунь крикнул: «Стой!»

Те Хэнцю, не понимая, в чём дело, инстинктивно подчинился и остановился.

Он замер и хотел спросить, почему, но тут увидел, как между листьями качнулись и блеснули в пробивающемся свете серебряные нити.

У Те Хэнцю волосы встали дыбом, и он отступил на шаг: «Это...»

«Назад», — сказал Мин Чунь.

Те Хэнцю медленно обернулся и похолодел от ужаса. Он думал, что оторвался от муравьёв, потому что бежал достаточно быстро.

Но теперь, обернувшись, он увидел, что муравьи резко развернулись и, скребя конечностями по прожилкам листьев, хлынули обратно к стволу. Это было похоже не на отказ от преследования, а скорее на... бегство.

«Чего... они боятся?» — спросил Те Хэнцю, глядя вслед отступающим муравьям.

Голос Мин Чуня раздался у самого его уха, на удивление спокойный: «Сначала опусти меня».

«А, да, конечно», — Те Хэнцю поспешно опустил Мин Чуня.

Обычно безупречно одетый Мин Чунь теперь стоял с растрёпанными волосами, весь в грязи, но на его лице застыло упрямое выражение холода и чистоты, как у промокшего под дождём журавля.

«...Ой, какой милый».

Но Те Хэнцю не успел рассмотреть его выражение, как Мин Чунь взмахнул рукавом, и лист над их головами откинулся.

Лунный свет хлынул вниз, освещая всё вокруг.

На прожилках листьев, по которым они только что бежали, теперь, неизвестно откуда, появились серебряные нити. Каждая была тонка, как волос, но они были сплетены в огромную сеть, что тихо колыхалась на ночном ветру.

Кадык Те Хэнцю дёрнулся, и он услышал свой сухой голос: «Это... паутина?»

Мин Чунь не ответил, лишь сгустил на кончиках пальцев энергию меча.

Напряжение нарастало.

Хотя они молчали, в их головах, несомненно, крутился один и тот же вопрос: если здесь паутина...

То где же паук?

Паука не было видно, но он заставил целую армию муравьёв обратиться в бегство.

Значит, это очень опасное существо.

Нельзя терять бдительность!

Те Хэнцю сглотнул и не решался произнести ни слова, боясь потревожить то, что скрывалось в темноте.

Но, с другой стороны, паук не обязательно должен оставаться на своей паутине, верно?

Может, он просто сплёл здесь сеть и ушёл.

С этой мыслью Те Хэнцю с надеждой посмотрел на Мин Чуня и уже собирался что-то сказать,

но тот внезапно зажал ему рот рукой.

Аромат Юэ Бочжи ворвался в лёгкие Те Хэнцю, и его сердце замерло.

Он прищурился, глядя на Мин Чуня.

Тот указал на северо-запад, наверх.

Те Хэнцю проследил за его взглядом, и его зрачки сузились.

Лунный свет, пробиваясь сквозь листву, отбрасывал в центре паутины тёмную тень, словно кто-то жирно мазнул кистью, смоченной в туши, по лунному свитку.

Увидев эту ужасающую тень, Те Хэнцю, наоборот, успокоился. «Так вот где гигантский паук. Лучше видеть, чем не видеть. К тому же, он, похоже, не двигается, спит. Говорят, такие пауки слепы и ориентируются только по вибрации паутины. Если мы не будем её трогать, то сможем уйти».

Боясь разбудить паука, Те Хэнцю по-прежнему не издавал ни звука.

Он взглянул на бледный профиль Мин Чуня и вдруг взял его руку, лежавшую у него на губах.

Пальцы Мин Чуня дрогнули, но он не отдёрнул руку. Так они и застыли на мгновение в этой странной позе.

Те Хэнцю кончиками пальцев начал писать на ладони Мин Чуня: «Прыгнем с западного листа, там паутины меньше».

Из-за многолетней привычки копировать почерк Юэ Бочжи, его движения на семь десятых повторяли его манеру письма.

Не успел Те Хэнцю дописать, как его запястье крепко сжали.

Он поднял глаза и увидел, что лицо Мин Чуня по-прежнему холодно, как иней. Тот слегка кивнул в сторону запада, давая понять, что понял и без слов.

Они медленно двинулись по ветке.

Те Хэнцю немного вытащил Меч из зелёного нефрита из ножен, чтобы его лезвие отражало лунный свет и освещало паутину, помогая им ориентироваться.

Они осторожно прошли мимо, и благодаря своей ловкости добрались до края ветки, не задев ни одной нити.

Напротив была новая ветка, и на ней не было видно никаких странных существ.

Они уже вздохнули с облегчением, как вдруг налетел ночной ветер, и паутина, висевшая у выхода, опустилась, создав перед ними серебряную завесу.

Мин Чунь среагировал мгновенно, схватив Те Хэнцю и притянув его к себе. Они, пошатнувшись, столкнулись.

Те Хэнцю, опомнившись, посмотрел по сторонам и увидел, что серебряные нити висят всего в полудлони от них. Одно неосторожное движение — и они попадутся.

Те Хэнцю чувствовал напряжённые мышцы Мин Чуня... и аромат Юэ Бочжи.

Он снова почувствовал лёгкое головокружение и обнял его за талию.

Он почувствовал, как мышцы Мин Чуня напряглись, очевидно, от непривычки к прикосновениям.

Но, учитывая обстоятельства, даже такой гордый, как Юэ Бочжи, не стал возражать.

«В обычной ситуации Юэ Бочжи, наверное, холодно приказал бы мне убираться!» — подумал Те Хэнцю.

Он осторожно поднял глаза и, увидев на лице Мин Чуня сдержанное раздражение, которое тот пытался подавить, нашёл это забавным и милым.

Он намеренно потёрся лицом о шею Мин Чуня и прошептал так, чтобы слышали только они двое: «Брат Мин Чунь, я так боюсь...»

<http://bllate.org/book/16975/1589705>